

Piers Vitebsky. *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia.* L.: Harper Perennial, 2005. xv + 464 p.; ill.¹

Автор этой книги, д-р Пирс Витебски, в течение многих лет вел полевую работу не только среди оленеводов Севера, но и среди автохтонных племен Индии и Шри-Ланки. Свои исследования в Сибири он начал в 1988 г., став, таким образом, наряду с Кэролайн Хамфри, Марджори Мандельстам-Бальзер и Гейл Фондал, одним из первых западных исследователей, получивших возможность проводить полевые исследования в регионах, которые, начиная с 1930-х гг., оставались закрытыми для иностранных исследователей.

С 1986 г. Пирс Витебски возглавляет антропологическое и североведческое направление в Институте полярных исследований им. Скотта при Кембриджском университете (Scott Polar Research Institute). Под его руководством было защищено более 20 PhD-диссертаций, которые сыграли важную роль в развитии антропологии Севера.

Владимир Николаевич Давыдов
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
davydov@kunstkamera.ru

Название книги можно перевести как «Оленные люди: жизнь с животными и духами в Сибири». Она построена на материалах, полученных в ходе длительной полевой работы среди оленеводов-эвенов в Северо-

¹ Редколлегия «Антропологического форума» сочла возможным поместить эту рецензию, несмотря на то что рецензируемая книга вышла в свет довольно давно (в 2005 г.). Мы учли два обстоятельства: во-первых, рецензируемая книга не относится к таким изданиям, которые быстро стареют; во-вторых, эта задержка в какой-то мере отражает реальность: многие «западные» книги часто, увы, приходят к российскому читателю с запозданием.

Восточной Сибири в Якутии в поселке Себян-Кюель, которое сначала казалось автору «одним из самых отдаленных мест, в которых вообще могут жить люди» (Р. 41). Подобная работа предполагает участвующее наблюдение, «насыщенное описание» [Гирц 1997], «эмный» подход к исследованию, вовлеченность исследователя вместе с представителями локального сообщества в повседневные практики. Читатель этой книги получает возможность стать виртуальным «соучастником» событий, познакомиться с культурой изнутри.

Данная работа отличается от большинства антропологических и этнографических текстов прежде всего способом изложения материала. Здесь есть «интрига», внутренняя логика развития сюжетной линии. Автор, рискуя вызывать критику со стороны «традиционалистов», не просто излагает события и факты, но преподносит их в литературной форме.

Рецензируемая книга — блестящий пример этнографического исследования, в котором главное не общие тенденции и обобщения, но детальное описание. Все этнографические сюжеты раскрываются на конкретных ситуациях. К примеру, погружаясь в локальный контекст, читатель начинает «изнутри» понимать, какие верования и представления связаны с духом Баянай: автор детально описывает различные ситуации, где эти представления проявляются. Это и шутки, и описание «кормления хозяина» на привале, и различные интерпретации сновидений, и даже рассказ о том, как автор, приняв приглашение одного из информантов, привозит в тайгу членов своей семьи.

Многие факты, изложенные в работе, показаны в динамике, как взаимосвязанная череда событий. В более поздних главах Витебски постоянно отсылает читателя к историям, рассказанным в предыдущих главах. Главы работы организованы тематически, общая хронология событий от начала к концу не соблюдается. При этом биографии некоторых информантов представлены хронологически.

Важный элемент книги Витебски — это то, что он дает возможность высказаться своим информантам. Книга содержит множество диалогов и цитат, где олениводы выступают не просто как источники информации, но как полноправные участники общения. Здесь важна их личность, опыт, знания и мнения. По просьбе информантов автор сохранил в тексте их настоящие имена.

Другая не менее важная черта книги — юмор. Так, вначале Витебски перечисляет персонажей, которые появятся в книге, и дает небольшие комментарии к их образам. В данном списке присутствуют и «Витя, охотник на волков, музыкант и сын ша-

манки», и «учителя, врачи, ветеринары и бухгалтеры, в основном женщины, некоторые довольно энергичные», и «Маргарет Тэтчер, Билл Клинтон, Клеопатра, Абдулла, Санчо Панса и Черномырдин, олень с норовом», и «корейские мафиози — скупщики оленьих рогов», и «духи костров и рек», и «предки в могилах», и «одноглазая собака, которая умеет предвидеть будущее» (Р. xiv–xv).

Данная работа — попытка писать просто о сложных вещах. За простотой диалогов, за неспешным разворачиванием сюжета стоят серьезные размышления автора, который постоянно побуждает читателя к самостоятельным выводам. Благодаря этому читатель не только сопереживает оленеводам, но и участвует в современных научных дискуссиях. Так, немало интересного найдут для себя в данной работе исследователи, которые интересуются проблемой движения — темой, интерес к которой в современной антропологии растет (см.: [Ingold, Vergunst 2008; Nabesk 2006; Головнев 2009]). Согласно автору, основой оленеводческой мобильности является такой компаньон человека, как *учах* — кастрированный олень, используемый для перевозки грузов, а эвенский лексикон фокусируется не на описании статичных мест, а скорее на практиках движения через эти места (Р. 117). Наблюдая постоянные приезды и отъезды оленеводов, автор приходит к выводу об особой восприимчивости эвенов, которые переживают каждое резкое изменение и непредсказуемое поведение как раздражающее и опасное и стараются его смягчить (Р. 123).

Сквозной темой работы являются взаимоотношения человека и животных (*human-animal relations*), которые рассматриваются как форма партнерства. Недаром в эвенкийской и эвенской легендах о приручении оленя, которые приводит автор, «приручение» рассматривается как установление взаимовыгодных отношений и даже как социальный контракт между людьми и оленями. Если же посмотреть на это партнерство с другой стороны, то олени также приручили человека к себе, так как людям пришлось адаптировать свои движения к движениям оленей и постоянно следовать за ними, соблюдая определенный миграционный цикл (Р. 27). Таким образом, движения людей оказываются связанными с движениями животных. И если в рамках европейского дискурса, вдохновленного Книгой Бытия, в которой Бог дает Адаму власть над животными, выработалось покровительственное отношение к животным, то у эвенов, согласно Витебски, такое доминирование над животными отсутствует: они являются духовно и психологически более сложными существами (Р. 261); между людьми и животными существуют духовные и моральные связи.

Не менее важная проблема в работе Пирса Витебски — взаимоотношения оленеводов и государства. Автор рассматривает строительство поселков в регионе как советский проект, который стартовал в 1920-е гг. и должен был приучить местное население к «оседлому» образу жизни, заменив «бытовое кочевание» более «прогрессивным и цивилизованным производственным кочеванием» и превратив тайгу в «гигантский мясокомбинат под открытым небом» (Р. 43). Большую часть оленей стали забивать на мясо, вместо того чтобы использовать их как транспортное средство для охоты на диких животных (Р. 44). Советская инфраструктура меняла жизнь оленеводов и охотников. Она отделяла мужчин от женщин, родителей от детей. Постепенно происходило вытеснение женщин в поселок, где для них специально создавались рабочие места. Все это приводило к тому, что все меньше и меньше женщин напрямую занимались оленеводством. Жизнь в тайге становилась все более «мужским делом» и переставала привлекать женщин. Поселок «поглощал» женщин и детей, но «отторгал» оленей (Р. 147), создавая особый пространственный опыт для своих жителей — сокращение движения. С появлением деревни некоторые оленеводческие стоянки стали восприниматься как «отдаленные». Кроме того, впоследствии поселок соединил посредством воздушного транспорта местных жителей с такими местами, куда невозможно было добраться на оленях (Р. 184). До появления поселков такой центральной базы у оленеводов не было. В сакральном пространстве эвенков не было и конечной точки движения, не было какого-то одного лагеря, более значимого, чем другие.

Оленеводы оказались вовлеченными в реализацию советских проектов. Они производили мясо и перевозили грузы. Например, до того момента, пока не стало функционировать постоянное авиасообщение в регионе, коренные жители посредством оленного транспорта обеспечивали снабжение лагерей ГУЛАГа продовольствием и вещами (Р. 225). Витебски приходит к выводу, что в советский период все были вовлечены в один проект, и все были как его исполнителями, так и его потенциальными жертвами (Р. 234). Государство не просто забирало мясо, но давало взамен инфраструктуру и снабжение. Автор рассматривает подобные отношения как «делку с государством» (Р. 251–252). Тем не менее структуры, которые навязывало государство, не были укоренены в местном сообществе — скорее они ориентировались вовне. Поэтому поселки и их инфраструктура требовали постоянной внешней поддержки. Негативным моментом советского проекта было то, что государство подавляло местную инициативу даже тогда, когда она была вполне лояльна советскому режиму. Таким образом

государство навязывало местному населению свою модель развития, в которой не было места самостоятельности.

Автор подробно останавливается и на анализе социальных проблем. Себян-Кюель характеризуется высоким уровнем смертности. Наиболее распространенными причинами смерти являются несчастные случаи в лесу, пьяные драки и самоубийства. Пирс Витебски разбирает множество индивидуальных историй, связанных со смертью. Алкоголизм, согласно его подходу, также можно рассматривать как форму самоубийства.

Большое внимание Витебски уделяет анализу анимистических представлений эвенов. Он подробно описывает практику кормления огня (Р. 85–88) и культ хозяина (Part 4). Согласно автору, при установке палатки люди вступают в партнерство с духами воды и огня для того, чтобы создать обитаемое место (Р. 312). Превращение в советское время земли в «мясокомбинат под открытым небом» не смогло полностью разрушить восприятие земли как «храма под открытым небом» (Р. 312). Автор описывает практику гадания на лопатке оленя, построенную на аналогии между трещинами на кости и ландшафтом (Р. 267), и приходит к выводу, что огонь для эвенов предстает как источник знаний. Он затрагивает далее такие темы, как использование секретных и иносказательных названий животных, вера в связь между смертью человека и смертью животного, различные нарративы о сновидениях в их связи с практикой перемещения по ландшафту. Витебски приходит к заключению, что сны часто предвещали событие, которое исполнялось, когда кто-либо возвращался в то же самое место через год. Эвены не оглядываются, когда оставляют место своей стоянки. Это объясняется тем, что они не пытаются привязать себя эмоционально к месту. Привязка к месту свойственна умершим: мертвые остаются лежать в одном месте (Р. 322).

Главы книги, каждая из которых представляет собой отдельную зарисовку, написаны в разных стилях. В начале работы автор уделяет внимание разбору исторических источников, данных археологии, обзору теоретических концепций и подходов к проблеме происхождения оленеводства, его типов, а также появления оленьей упряжки, т.е. тех подходов и теорий, которые занимали важное место в советской этнографии. Здесь автор показывает хорошее знание ключевых работ С.И. Вайнштейна, М.Г. Левина и Г.М. Василевич, посвященных проблеме происхождения оленеводства. Первая часть заканчивается обзором российской колонизации в Сибири, где автор рассказывает, как менялась жизнь оленеводов в досоветский и советский период.

Не могу не отметить и некоторые спорные моменты книги, особенно там, где автор характеризует общие тенденции. На-

пример, Витебски утверждает, что «русские пришли за мехами, но позднее советский режим был ориентирован на добычу минералов» (Р. 35). Если обратиться к источникам, становится ясно, что добыча минералов в Сибири имела большое значение и в царское время [Карпенко 1963], а экспорт мехов, которые добывали сибирские охотники, играл важную роль в пополнении казны советского государства. В частности, северо-байкальские эвенки работали каюрами на золотых и медных приисках как в царское, так и в советское время, а количество соболей, добываемых колхозниками в XX в., часто превышало количество ясака XIX в.

Также трудно согласиться с утверждением, что «экономика коренных народов, основанная на животноводстве (native animal economy), а также русская экономика, основанная на минералах (Russian mineral economy), являются разными вселенными» (Р. 35). Само появление такой профессии, как каюр, говорит о взаимодействии и сочетании этих двух экономик. А если есть взаимодействие, то они не могут быть изолированными. Несмотря на то что многие центры добычи полезных ископаемых «получают продовольствие извне» и «не посредством транспортных оленей, а по воздуху», многие оленеводы охотно пользуются транспортом и горючим, которое обеспечивают добывающие компании, в своих целях [Stammler 2005].

Кроме того, в заключении книги мне не кажется удачным метафорическое сравнение функций, выполняемых старыми шаманами и современными активистами (Р. 390), особенно сравнение «полета» шамана на олене и на бубне и полета современных лидеров на самолете. Конечно, можно согласиться с идеей, что и те, и другие способны «охранять свой народ посредством накопления специальных знаний о других мирах»: шаманы путем общения с духами, а современные активисты — посредством путешествий далеко за пределы поселка. Тем не менее подобные сравнения могут вести к идее ложной исторической преемственности. Ведь и в царское время были люди, которые служили медиаторами между внешним миром и местным сообществом и накапливали «знания о других мирах», умели общаться с представителями власти, хорошо знали русский язык, иногда были грамотными. У эвенков, например, это были *шуленги*, которые играли важную роль в инородческих управах.

Несомненным плюсом работы является то, что автор уделяет большое внимание описанию контекста исследования, прежде всего — трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться как исследователю. Это и акклиматизация, и установление взаимоотношений. Он размышляет о том, что, подружившись с одними людьми в самом начале полевой работы, он легко мог

испортить отношения с другими, так как в местной среде некоторые семьи давно враждуют (иногда такой конфликт начинался еще в царское время и длится до сих пор).

Витебски начал свою полевую работу еще в советский период и продолжал в постсоветское время. В его книге показан в динамике переход оленеводческих бригад к рыночной экономике. Вторая часть книги — «Сказка о двух стадах» — представляет собой повествование о преобразованиях начала 1990-х гг., когда местные оленеводческие бригады перешли на хозрасчет. Данная часть представляет собой «репортаж» изнутри, где автор описывает противоречивую ситуацию позднего советского периода, когда правительство начало экономические преобразования, а управляющий персонал совхоза не был к ним готов. Данная ситуация по-разному сказалась на разных бригадах. Витебски подробно описывает ситуацию в бригаде № 7, которая, в отличие от других, состояла из членов одной семьи. Из-за того что весной 1990 г. ветеринары обнаружили бруцеллез у оленей данной бригады, почти все стадо пришлось ликвидировать. Впоследствии стадо было восстановлено за счет оленей из других бригад, однако, как выяснилось, только малая часть животных была действительно больна. Данная ситуация воспринималась людьми как следствие негативного отношения директора совхоза к семье оленеводов, составлявшей эту бригаду, за ее «экономическую и моральную независимость» (Р. 74). Здесь автор часто цитирует своих информантов, показывая не только сложность экономической ситуации, но и сложность отношений между людьми. В конце первой части Витебски описывает 10-ю бригаду, которая не переживала таких потрясений.

Достоинством книги является то, что Витебски вел полевую работу не только в поселке, но и путешествовал с оленеводами и охотниками по тайге. Это позволило ему наблюдать повседневные практики эвенов как в контексте поселка, так и непосредственно в оленеводческих бригадах. В работе есть много примечательных этнографических описаний, касающихся повседневной жизни оленеводов и охотников. Витебски затрагивает такие аспекты, как эвенские термины, используемые для описания цвета, пола и возраста оленя, подробно останавливается на описании кличек оленей. В работе хорошо показано, как изменяются практики оленеводов в зависимости от сезона и места остановки, уделено внимание различным техникам контроля движений оленей, тренировки этих животных, а также описанию перекочевков. Однако не всегда олень является компаньоном человеку: в конце лета — начале осени он может становиться неуправляемым после употребления грибов рода *Boletus* (Ch. 6).

В середине работы, между третьей и четвертой частями, автор поместил «интерлюдию», озаглавленную «Одиночество и тишина». Это дневник, в котором подробно описаны семь дней полевой работы во время зимней охоты. В привычных российскому читателю исследованиях подобные тексты обычно идут в приложении, здесь же несколько иная стратегия — совершить плавный переход от одной части работы к другой. Витебски замечает, что и сами охотники ведут дневники, чтобы знать в будущем, сколько капканов они расставили и в каких местах.

Книга Витебски, несомненно, привлечет внимание не только специалистов-антропологов, но и более широкого круга читателей. Дело в том, что читатель постоянно спрашивает себя о том, что он держит в руках — научный текст или литературное произведение. Конечно, антропологический анализ всегда предполагает наличие творческой составляющей, но в погоне за занимательностью есть опасность: вымысел или субъективные представления автора могут оказать сильное воздействие на интерпретацию реально наблюдавшихся событий. Сложно соблюсти баланс между художественной и научной составляющими и не превратиться из исследователя в автора романа. Однако Витебски строит свое повествование совершенно естественно, и в его руках сухой антропологический анализ превращается в увлекательное и яркое повествование.

Книга Витебски «Оленные люди» — это цельная работа. Она не слишком хорошо воспринимается, если читать отдельные отрывки. В каждой последующей главе есть прямые и не прямые отсылки к примерам из других глав. Чтобы понять логику аргументации автора и совершить увлекательное путешествие в мир эвенских оленеводов, эту книгу лучше читать с начала до конца.

Библиография

- Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 171–202.
- Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009.
- Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность в Западной Сибири в 1700–1860-х годах. Новосибирск: Издание Сибирского отделения АН СССР, 1963.
- Habeck O.* Experience, Movement and Mobility: Komi Reindeer Herders' Perception of the Environment // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10. No. 2. P. 123–141.

Ingold T., Vergunst J.L. Introduction // T. Ingold, J.T. Vergunst (eds.). *Ways of Walking: Ethnography and Practice on Foot*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2008. P. 1–20.

Stamler F. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Muenster: Litverlag, 2005.

Владимир Давыдов